

misterium

misterium

**СИЛЛА И РОЛЬФ
БЁРЛИНД
ПРИЛИВ**

Москва
2015

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Б49

Cilla & Rolf Börj lind
SPRINGFLODEN

Copyright © Cilla and Rolf Börj lind 2012 by Agreement with
Grand Agency and OKNO Literary Agency, Sweden

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

Бёрлинд, Силла.

Б49 Прилив / Силла и Рольф Бёрлинд ; [пер. с швед.
А.А. Шаболтас]. — Москва : Эксмо, 2015. — 544 с.

ISBN 978-5-699-81868-6

На пустынном берегу одного из шведских островов, во время ночного прилива неизвестные утопили молодую женщину. Убийц так и не нашли — слишком мало оказалось зацепок. Спустя двадцать лет другая молодая женщина, Оливия, студентка полицейской академии в Стокгольме, заинтересовалась этим таинственным делом, взяв его в качестве учебного факультатива. И не случайно — ведь этим делом некогда занимался ее отец, тоже полицейский. Но, приступив к разбору тех давно минувших событий, Оливия и представить себе не могла, насколько тесно они связаны с настоящим. В том числе и с ее собственной жизнью. Прошлое захлестнуло Оливию, словно смертоносный прилив...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Шаболтас А.А., перевод
на русский язык, 2013
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81868-6

...в то время как неотвратимо
наступает ночь.

*К. Вресвик*¹

Конец лета 1987 года

Во время прилива вода в бухте Хаслевикарна на острове Нордкостер обычно поднимается на пять-десять сантиметров. Иначе она ведет себя при сизигии — явлении, когда Солнце и Луна находятся на одной линии с Землей. Тогда уровень воды вырастает почти на полметра. Высота головы человека составляет примерно двадцать пять сантиметров.

Этой ночью наступит сизигия.

А пока был отлив.

Полная луна много часов назад заставила непокорное море отпрянуть назад, обнажив длинную полосу влажного дна. По песку туда-сюда сновали маленькие блестящие крабы, похожие на сверкающие блики в серебряно-голубом свете. Стремясь не упасть, багрянки еще крепче цеплялись за камни. Все существа на дне понимали, что спустя определенный промежуток времени море вернется.

¹ Корнелис Вресвик (1937–1987) — шведский исполнитель авторской песни, бард, поэт, актер.

Понимали это и трое на берегу. Они даже знали, когда точно это произойдет, а именно — через четверть часа. Тогда первые легкие волны направятся к берегу и зальют все, что успело высохнуть, а вскоре темная масса моря начнет выталкивать волну за волной, пока уровень воды не достигнет максимума.

Прилив, отделяющий дно от поверхности воды на полметра.

У троицы еще оставалось время. Они почти закончили рыть яму. Глубиной около полутора метров и диаметром шестьдесят сантиметров, она идеально вместила бы человека. Только голова останется снаружи. Голова четвертой фигуры на берегу. Женщины со связанными руками, неподвижно стоявшей чуть поодаль.

Слабый ветер слегка шевелил ее темные длинные волосы, обнаженное тело блестело, на измученном лице не было макияжа. Лишь глаза выдавали странную отчужденность. Женщина отменно наблюдала за происходящим. Копавший мужчина поднял из ямы кривую лопату с песком, высыпал его на образовавшуюся рядом горку и обернулся.

Работа была окончена.

Издалека, со скал, где прятался мальчик, залитый лунным светом берег казался удивительно тихим. А что затеяли темные фигуры, там, на песке, на другой стороне? Этого мальчик не знал, но слышал нарастающий шум моря и видел, как голую женщину,

с виду совершенно покорную, сначала вели по мокрому песку, а потом опустили в яму.

От испуга мальчик закусил нижнюю губу.

Один из мужчин принялся засыпать яму. Влажная масса, словно цемент, облепила тело женщины. Скоро все углубление целиком заполнилось песком.

Когда первые робкие волны побежали в сторону берега, на поверхности оставалась только голова. Длинные волосы медленно погружались в воду, маленький краб прицепился к темной пряди. Женщина пристально смотрела на луну, не издавая ни звука.

Фигуры поднялись чуть вверх по песчаным холмам. Две — неуверенно, беспокойно озираясь, чего нельзя было сказать о третьей. Все наблюдали за одинокой, освещенной головой над поверхностью дна.

И ждали.

Сизигия наступила довольно быстро. Одна за другой, волны становились все выше, заливали женщине лицо, били в нос и в рот. Горло наполняла вода. Отворачивая голову, женщина наталкивалась на очередную волну.

Одна из фигур подошла и присела на корточки рядом с женщиной. Их взгляды встретились.

Из своего укрытия мальчик мог наблюдать, как растет уровень воды. Голова на дне исчезала, появлялась и исчезала вновь. Двое из троицы ушли, третий человек шел вверх по берегу. Вдруг мальчик ус-

лышал ужасный крик. Безумный крик женщины из песчаной ловушки. Эхо разнеслось по плоской бухте и достигло скалы наблюдателя, прежде чем новая волна захлестнула голову и крик стих.

Мальчик побежал.

Море поднялось и замерло, темное и блестящее. Женщина под водой закрыла глаза. Последнее, что она почувствовала, — еще один слабый, легкий толчок внутри, в утробе.

Лето 2011 года

У Одноглазой Веры оба глаза были здоровы, а взглядом она могла парализовать летящего сокола. Видела она отлично. Кроме того, в спорах Вера напоминала снегоборочную машину. Трогалась с места, вооружившись собственным мнением, и расчищала себе путь, разбрасывая по сторонам все аргументы против.

Одноглазая. Но любимая.

Она повернулась спиной к заходящему солнцу, так что свет, струившийся над Вэртафьорден, упавшийся в мост Лидингёбрун и тянувшийся к парку Юргхаген, окутывал силуэт Веры аурой сияния.

— Ведь это касается моей жизни!

Пыл ее речи мог произвести впечатление даже в правительстве, несмотря на хриплый голос, который в зале заседаний звучал бы слегка необычно. Ну и, может, одежда вызвала бы удивление: пара разноцветных футболок не первой свежести и изношенная тканевая юбка. И еще отсутствие обуви. Но Вера выступала не в зале заседаний, а в небольшом,

укромном парке рядом с портом «Вэртахамнен», да и вместо членов правительства ее слушали четверо разномастных бездомных, занявшие несколько скамеек, разбросанных среди дубов, ясеней и кустарника. На одной из скамеек, погруженный в свои мысли, сидел высокий и молчаливый Йелле. На другой расположились Бенсеман и Мюриель — молодая наркоманка из района Багармоссе. Рядом с ней лежал полиэтиленовый пакет из супермаркета. Напротив них дремал Арво Пярт.

На окраине парка за густыми кустами притаились двое молодых, одетых в черное мужчин; они пристально наблюдали за скамейками.

— Моей жизни, а не их! Ведь так! — Одноглазая Вера махнула рукой куда-то вдаль. — Они приперлись и забарабанили по фургону, я еле успела зубы вставить, а они уже были у двери! Целых три штуки! Уставились на меня. Я им: «В чем дело, черт побери?» — «Мы из муниципалитета. Вы должны убрать отсюда фургон». — «Почему это?» — «На этом участке будет вестись строительство». — «Чего?» — «Освещенной дорожки». — «Чего-чего?» — «Трассы для бега, она будет проложена прямо здесь». — «О чем вы, черт возьми, говорите? Я не могу его убрать! У меня же нет машины!» — «К сожалению, ничем помочь не можем. Фургон нужно отогнать до следующего понедельника».

Пока Одноглазая Вера переводила дух, Йелле воспользовался моментом, чтобы незаметно зевнуть. Вера не любила, когда зевали посреди ее речей.

— Представляете? Передо мной стоят три мужика, выросшие в архивных шкафах пятидесятых

годов, и посылают меня к чертям! И все потому, что несколько перекормленных идиотов будут тренировать свои жирные задницы прямо на моем доме! Представляете, как я взбесилась?

— Ага, — выдавила из себя Мюриель.

Голос у нее был надтреснутый, высокий и резкий; без дозы она обычно не вступала в диалог.

Вера поправила редкие рыжеватые волосы и продолжила с новой силой:

— Но суть не в какой-то там дебильной дорожке, а в тех, кто выгуливает здесь своих мелких лохматых крыс и думает, что в их выпендрешном районе не место таким, как я! Я просто не вписываюсь в эту холерную реальность! Вот в чем дело. Плевать им на нас с высокой колокольни!

Бенсеман немного подался вперед:

— Слушай, Вера, может, они...

— Идем, Йелле! Вставай!

Вера сделала пару приличных шагов и взяла Йелле под руку. Мнение Бенсемана ее совершенно не волновало. Йелле встал, пожал плечами и побрел за ней. Куда, он сам точно не знал.

Бенсеман поморщился. Веру он знал как облупленную. Слегка дрожащими руками зажег мятый окурочек и открыл банку пива. Услышав звук, Арво Пярт оживился:

— Веселье сейчас будет.

У Пярта были эстонские корни и особая манера речи. Мюриель посмотрела Вере вслед и обернулась к Бенсеману:

— Все-таки мне кажется, она во многом права — того, кто не вписывается, убирают... да?

— Да, похоже, так все и есть...

Бенсеман родился в провинции Норрланд¹ и был известен своим излишне крепким рукопожатием и проспиртованными, с желтушной поволокой глазами. Крупный, с заметным диалектом и резким запахом изо рта, периодически вырывавшимся сквозь редкие зубы. В прошлой жизни он работал библиотекарем в Будене, питая страсть как к чтению, так и к спиртным напиткам. Весь диапазон: от морошкового ликера до самогона. Благодаря своей пагубной привычке за десять лет Бенсеман опустился на самое дно социальной лестницы, а его жильем стал украденный фургон в Стокгольме. В столице он перебивался, попрошайничая, воруя и бродяжничая. Но — не теряя любви к чтению.

— ...мы живем словно по чьей-то милости, — сказал Бенсеман.

Пярт кивнул и потянулся за пивом. Мюриель достала пакетик и ложку. Бенсеман тут же отреагировал:

— Ты же собиралась завязать с этим дерьмом?

— Я знаю. Я завяжу.

— Когда?

— Я завяжу!

И Мюриель незамедлительно это сделала. Не потому, что не хотела дозу, просто она вдруг увидела двух крадущихся между деревьями парней. На одном из них была черная куртка с капюшоном. На его приятеле — темно-зеленая. Оба были одеты в серые

¹ Самая северная провинция Швеции.

тренировочные брюки, жесткие ботинки и перчатки. Они вышли на охоту.

Бездомная троица довольно быстро сориентировалась. Мюриель схватила пакет и побежала. Бенсеман с Пяртом, прихрамывая, направились следом. Тут Бенсеман вспомнил о спрятанной за урной записке. Именно от нее зависело, будет ли он спать или бодрствовать сегодня ночью. Бенсеман повернулся и поскользнулся перед одной из скамеек.

Способность удерживать равновесие оказалась не на высоте. Да и реакция тоже. Когда Бенсеман попытался встать, то получил сильный удар в лицо и упал навзничь. Парень в черной куртке стоял рядом. Второй нападавший достал мобильный телефон и включил камеру. С этого началось жестокое и кошмарное избиение, снятое на камеру в не выпускавшем наружу ни единого звука парке, где не было больше никого, кроме двух испуганных свидетелей вдалеке за кустами.

Никого, кроме Мюриель и Пярта. Даже с приличного расстояния они видели, как у Бенсемана текла кровь изо рта и уха, слышали его глухой стон при каждом ударе в грудь и в лицо. Снова и снова. И снова.

Они не видели, как от ударов редкие зубы Бенсемана впивались в щеки и пробивали их насквозь. Зато от их взгляда не ускользнуло то, как рослый северянин пытался уберечь глаза. Глаза, благодаря которым он мог читать.

Мюриель тихо плакала, закрывая рот изуродованной уколами рукой. Все ее изможденное тело дрожало. В конце концов Пярт взял девушку под локоть и увел от кровавого зрелища. Они были бес-

сильны. «Вызвать полицию... да, мы могли бы», — думал Пярт, в спешке ведя Мюриель к Лидингевэген.

Прошло время, прежде чем показалась первая машина. Пярт и Мюриель начали кричать и махать руками, когда до них оставалось еще пятьдесят метров, из-за чего водитель обогнул парочку и промчался мимо.

— Урод! — заорала Мюриель.

Другой водитель ехал с женой — ухоженной дамой в красивом платье вишневого цвета. Она ткнула пальцем в стекло:

— Смотри не сбей этих наркоманов, у тебя и так алкоголь в крови.

И серый «ягуар» промчался мимо.

К тому времени как над Вэртафьорден погасли огни, рука Бенсемана уже была полностью раздавлена. Парень с телефоном выключил камеру, а его напарник поднял спрятанное Бенсеманом пиво. Потом они убежали.

Остались только сумерки и рослый северянин на земле. Его раздробленная рука цеплялась за гравий, веки были закрыты. «Заводной апельсин»¹ — последнее, что шелкнуло в мозгу у Бенсемана. Черт, кто же это написал? Рука перестала шевелиться.

Одеяло сползло вниз, обнажив ее голые бедра. Ногу щекотал теплый шершавый язычок, заставляя девушку шевелиться во сне. Когда за щекотанием последовал легкий укус, она резко приподнялась и прогнала кота.

— Нет!

¹ Культовый роман-антиутопия Энтони Бёрджесса.

Дело было не в коте, а в будильнике. Она проспала. Здорово проспала. Вдобавок ко всему со спинки кровати упала жвачка и застряла в ее длинных темных волосах. Почти катастрофа.

Девушка вскочила с кровати.

Задержка на час сильно сжимала весь утренний график. Серьезное испытание для ее умения делать несколько вещей одновременно. Особенно на кухне: молоко убежало, хлеб в тостере дымился, и как раз когда она правой ногой угодила в прозрачную кошачью блевотину, зазвонил телефон и невыносимо вкрадчивый голос, обратившись по имени, заверил, что не собирается ничего продавать, а всего лишь приглашает на курсы.

Катастрофа.

Оливия Рённинг все еще нервничала, когда, топясь, выбежала на улицу Сконегатан. Ненакрашенная, с наспех убранными в некое подобие пучка длинными волосами. Тонкая бежевая куртка, из-под которой торчала желтая, с бахромой футболка, была не застегнута; завершали образ выцветшие джинсы и поношенные сандалии.

Солнце светило и сегодня.

Девушка на секунду остановилась, чтобы выбрать дорогу. Какой путь короче? Направо. Она почти бежала, на ходу поглядывая на стенды продуктовых магазинов: «НОВОЕ ЖЕСТОКОЕ НАПАДЕНИЕ НА БЕЗДОМНОГО».

Оливия понеслась дальше. Она направлялась к своей припаркованной машине, чтобы поехать в район Сёренторп в Ульриксдале. В Академию полиции. Оливии было двадцать три года, шел третий